

МИГРАНТЫ И РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XX в.: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ*

Олег Горбачев

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

MIGRANTS AND THE RUSSIAN STATE IN THE 20TH CENTURY: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS**

Oleg Gorbachev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article continues to examine the issue of ‘escapees’ raised by L. Siegelbaum and L. P. Moch in their work *Escaping in Twentieth-Century Russia*. In the author’s opinion, during most of the 20th century the Russian state reacted most strongly to violations of the political regime, often preferring not to notice economic migration. This was due to the carefully concealed inability of the authorities to control the population totally. Violations of the regime of territorial movement by individual migrants were possible due to the uncoordinated actions of central and local authorities. With the gradual liberalisation of the Soviet system in the second half of the twentieth century, migrants were increasingly able to move legally. Refusing to coercively regulate migratory flows led to the displacement of the political factor in migrations by the economic one, which in turn caused a narrowing of ‘autocratic’ space.

Keywords: migration; migration regimes; migration practices; seasonal employment; urbanisation.

* Тема публикации поддержана грантом Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

** *Citation:* Gorbachev, O. (2018). Migrants and the Russian State in the 20th Century: Opportunities and Limitations. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 240–248. DOI 10.15826/qr.2018.1.293.

Цитирование: Gorbachev O. Migrants and the Russian State in the 20th Century: Opportunities and Limitations // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 240–248. DOI 10.15826/qr.2018.1.293 / Горбачев О. Мигранты и Российское государство в XX в.: возможности и ограничения // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 240–248. DOI 10.15826/qr.2018.1.293.

Статья продолжает тему «самовольных мигрантов», поднятую Л. Сигельбаумом и Л. П. Мох в работе “Escaping in Twentieth-Century Russia”. По мнению автора, Российское государство в течение большей части XX столетия наиболее остро реагировало на нарушения политического режима, часто предпочитая не замечать экономическую миграцию. Это происходило из-за тщательно скрываемой неспособности власти тотально контролировать население. Нарушения режима территориальных перемещений индивидуальными мигрантами были возможны по причине несогласованных действий центральных и местных органов власти. По мере постепенной либерализации советской системы во второй половине XX в. у мигрантов появлялось все больше возможностей для легальных перемещений. Отказ от силового регулирования миграционных потоков, вытеснение политического фактора в миграциях экономических привели к сужению пространства «самовольности».

Ключевые слова: миграция; миграционные режимы; миграционные практики; сезонная занятость; урбанизация.

Проблема, поднятая Л. Сигельбаумом и Л. П. Мох в статье “Escaping in Twentieth-Century Russia” (см. также: [Siegelbaum, Moch] и рец. на это исследование: [Горбачев, 2016]), далеко не сводится к историографическому спору по поводу наличия либо отсутствия свободной воли у человека перед лицом авторитарного государства. Уже довольно давно тема зловещего советского тоталитаризма, подавляющего все живое, перестала будоражить умы историков. Более того, тема взаимоотношений индивидуума и власти в представлениях современных авторов перемещается из сферы романтизированных представлений о героических борцах с режимом в область частной жизни. В результате эти взаимоотношения не могут не приобретать черт дополнительной достоверности и убедительности.

Миграционная проблематика, выбранная в качестве объекта анализа, позволяет наилучшим образом увидеть пределы возможностей власти контролировать население в этократическом обществе. Обширная, преимущественно равнинная территория России – важнейший фактор, который формирует как стремление государства освоить это пространство, так и низовую миграционную активность населения. Стремление к жесткому регулированию миграционной политики со стороны власти возникает потому, что цели государства и его граждан не всегда совпадают.

В зависимости от текущей ситуации и провозглашенных приоритетов государство более или менее активно вмешивается в стихийные миграционные процессы, определяя границы допустимого для населения, то есть *режимы* миграции. *Миграционные практики* жителей страны (*repertoires*, в терминологии Л. Сигельбаума и Л. П. Мох) находятся в рамках этих режимов либо их нарушают. Соответственно, словом «беглецы» (*escapees*) авторы обозначают нарушителей режимов миграции.

На протяжении XX столетия на территории России – СССР мы наблюдаем довольно большое разнообразие миграционных режимов. Их, в зависимости от активности государства в сфере перемещения населения, можно представить скорее в виде синусоиды, чем предлагаемой американскими историками нарастающей кривой, соответствующей усилению насильственного характера миграции. Пик государственной активности приходится на принудительные миграции сталинской эпохи. В интенсивной миграционной политике хрущевского времени, в том числе в кампании освоения целины, пропагандистская составляющая уже заменила прежнюю насильственную практику.

Что касается низовой миграционной активности в течение советского периода, то она определялась несколькими параметрами: программами освоения отдаленных территорий, уровнем государственного давления на личность, усложнением социальной структуры населения и нарастающей индивидуализацией, неизбежной при разрушении традиционного патриархального строя.

Различные этапы российской миграционной политики получили довольно широкое освещение в литературе (см., например: [Бердинских; Бородкин, Максимов; Горбачев, 2003; Занданова; Земсков; Массовые аграрные переселения; Пискунов; Платунов; Полян; Чернышева, Бровцын и др.]). Индивидуальная миграционная активность привлекает внимание исследователей гораздо реже (см., например: [Бердинских]). А труды, где соотносились бы институциональная и личностная составляющая в миграции при анализе разнообразных ее форм на длительном временном отрезке, на российском материале отсутствуют. Именно это обстоятельство придает работам Л. Сигельбаума и Л. П. Мох особый интерес.

Как показывает история XX столетия, даже в периоды наибольшей репрессивной активности государства для обуздания *самовольных мигрантов*¹ далеко не всегда использовались рестриктивные меры. В конечном счете в росте их количества не были заинтересованы ни власть, ни общество. Поэтому с нарастанием разнообразия индивидуальных миграций государственная политика неизбежно должна была становиться все более вариативной с тем, чтобы «режимы» возможно в большей степени соответствовали «миграционным практикам».

При взгляде на российскую миграционную политику обращает на себя внимание то обстоятельство, что государство тем сильнее демонстрировало жесткие намерения в отношении самовольных мигрантов, чем меньше занималось практической деятельностью в этой сфере. Закон от 13 июля 1889 г. о насильственном возвращении крестьян, самовольно переселившихся в Сибирь, о котором упоминают

¹ Л. Сигельбаум и Л. П. Мох справедливо отмечают, что ни одно из существующих определений не передает в полной мере смысла процесса. Поэтому используемый здесь термин «самовольные мигранты», как и английский *escapees*, неизбежно содержит долю условности.

Сигельбаум и Мох, очень показателен. Это было намерение из тех, которое легче декларировать, чем исполнить. Правительство Александра III, пытаясь восстановить дворянский контроль над общиной, относилось к переселению как к «неизбежному злу» [Кауфман, с. 240]. Реальные контуры миграционной политика начинают приобретать лишь с организацией в 1896 г. Переселенческого управления при МВД. Количество самовольных мигрантов после этого шага уменьшилось, но не кардинально. И если принять тезис Сигельбаума и Мох, что в акте самовольной миграции проявилась не столько романтическая тяга к свободе, сколько вполне житейская мотивация, то учреждение Переселенческого управления выглядело попыткой согласовать цели правительства с устремлениями населения.

Та же логика просматривается в поведении советского правительства, когда в условиях роста неконтролируемой миграции на восток страны в 1926 г. был создан Всесоюзный переселенческий комитет при ЦИК СССР [Об учреждении...]. Привычная жесткая риторика по отношению к самовольным мигрантам не соответствовала реальному поведению власти: Сигельбаум и Мох констатируют, что, несмотря на лозунг «кадры решают все», государство очень долго мирилось с текучкой кадров на стройках первых пятилеток; мало что делалось для борьбы с сокращением численности спецпоселений в 1930-е гг., и отток удалось уменьшить не с помощью репрессий, а благодаря улучшению условий жизни в них в середине десятилетия. Эти примеры заставляют задуматься о том, что реально стоит за стереотипами восприятия «авторитарности» и «тоталитарности», то есть о том, как выглядела частная жизнь в условиях постоянного давления государства на личность. Борьбаться с текучестью кадров на стройках первых пятилеток было столь же затратно и неэффективно, сколь пытаться вернуть самовольных переселенцев в Сибирь при Александре III. С точки зрения сталинского режима гораздо более верным способом решения проблемы трудовых ресурсов было постепенное расширение экономических функций ГУЛАГа. Те же, кто оставались на свободе, очень часто имели возможность избежать недреманного ока государства (по выражению Сигельбаума и Мох, «провалиться сквозь трещины»).

Сигельбаум и Мох иронически замечают, что движимая патерналистскими убеждениями власть полагала, будто бы самовольные мигранты более склонны к возвращению, нежели переселившиеся с ее участием. И если стремление российского государства контролировать миграционную подвижность населения в течение долгого времени определялось традиционными представлениями о необходимости патерналистской опеки, то тяга к самостоятельности собственно в мигрантской среде диктовалась разными причинами. В общем виде эти причины можно рассматривать как политические (беглецы из мест заключения, ссылки и дезертиры), экономические (самовольные крестьяне-переселенцы, «шабашники») и относящи-

еся к обстоятельствам частной жизни. Очевидно, что политические причины преобладали в условиях усиления репрессий и в военное время; личные обстоятельства существовали всегда.

Как правило, государство обостренно реагировало на нарушения политического порядка, для чего не жалело ни сил, ни средств, но просчитывало «цену вопроса» в случае отступлений от экономических правил. Самовольных экономических мигрантов чаще всего выгоднее было не замечать. Упомянутый Сигельбаумом и Мох 15-летний приговор «шабашнику» за «незаконную экономическую деятельность» в качестве типичного примера ограничительной деятельности государства на самом деле был единичным демонстративным актом, относящимся к кратковременной антикоррупционной кампании Ю. В. Андропова. Как и в других похожих случаях, центральная власть тщательно скрывала свою неспособность контролировать всю страну, отсюда ее стремление к показательным наказаниям тех, кто попался под руку.

В чем причины миграционного экономического либерализма? Концепция «режимов» и «миграционных практик» оставляет в тени то обстоятельство, что власть не была монолитной. Именно несогласованность действий центральных и местных органов власти порождала те самые «трещины», в которые проваливались «самовольные мигранты». В разные периоды советской истории руководители промышленных предприятий способствовали получению паспортов беглецами из колхозов; председатели колхозов, в свою очередь, желая сохранить рабочие руки, открыто конфликтовали с конторами по переселению и оргнабору, принимали на работу уклонистов и дезертиров с военной службы, а позже прикрывали «шабашников». При этом они нередко встречали понимание у руководителей районного звена. Сигельбаум и Мох констатируют, что руководители городских учреждений были заинтересованы в труде еще одной категории «самовольных мигрантов» – молодых специалистов, уехавших из мест, куда они были первоначально распределены. Общей причиной противоречий между центром и регионами и вытекающих из них возможностей индивидуальных «миграционных практик» в условиях советской административно-командной системы было несоответствие между масштабностью провозглашенных экономических целей и недостатком наличных людских ресурсов для их реализации. В этом контексте алгоритм «самовольности» становится наиболее понятным.

В том же ключе следует рассматривать миграционное поведение «лимитчиков» 1950–1980-х гг. в крупных городах, где действовало ограничение на прописку. «Самовольность» этих людей, как считают Сигельбаум и Мох, выражалась в стремлении остаться в городе по истечении срока трудового договора. Здесь следует сделать оговорку, что реальных оснований для нарушения договора у «лимитчиков», то есть неквалифицированных иногородних работников, было не так много: для них гораздо важнее была не зарплата, а прописка

в большом городе, право на которую давало государственное или ведомственное жилье. Нарушитель договора исключался из жилищной очереди. Но даже при нарушении договора администрация предприятия, как правило, не была заинтересована в расставании с работником ввиду острого дефицита неквалифицированной рабочей силы [Переведенцев]. Поэтому работа «по лимиту» в большей степени должна рассматриваться в качестве узаконенного социального лифта для активных провинциалов, то есть к «лимитчикам» применима та же оценка, которую Сигельбаум и Мох дают всем мигрантам из деревни в город. Люди, ехавшие из села (как и все прочие, кто переезжали из мелких населенных пунктов в более крупные), действительно не были «самовольными мигрантами», поскольку они использовали для переезда довольно многочисленные даже в сталинское время легальные возможности – от службы в армии и учебы в городе до брака с городским жителем.

Мигранты из Средней Азии, пришедшие в 1990-е гг. на смену «лимитчикам», уже были частью рыночной экономики – они не боролись за социальные блага в советской распределительной системе, а зарабатывали деньги.

Очень интересна смена приоритетов самостоятельных мигрантов на протяжении XX столетия. В крестьянской миграции раннесоветского периода, как и в начале века, еще усматриваются извечные российские мотивы поиска «воли», «райской земли», где не будет государственной опеки ни в каком виде:

Весь год – и летом и зимой –
Ныряют утки в озере.
И никакой, ни боже мой,
Коммунии, колхозии!... [Твардовский, с. 245].

Несколькими десятилетиями спустя самовольные мигранты – носители советского сознания – практически не питали иллюзий относительно возможности скрыться от государства. Их целью было занятие более выгодного места в установленной властью системе координат. Именно с этой целью эвакуированные москвичи стремились для сохранения прописки вернуться домой в обход действовавших ограничений сразу же после завершения победоносной битвы за Москву, а распределенные в сельскую местность либо в отдаленный регион специалисты уезжали оттуда при первой возможности.

В антиномии эвакуированных и беженцев наилучшим образом проявляется противостояние между режимами миграции и индивидуальными миграционными практиками. Слово «беженец» содержит очевидную негативную коннотацию: он перемещается хаотично, это «носитель паники, болезней и беспорядка», то есть объективно он противостоит государственному плану перемещения людей. Напротив, эвакуированные – это лояльные объекты

государственной политики. Характерно, что понятие «самовольность» в процессе эвакуации вполне применимо не только к мигрантам (беженцам и «самоевакуированным»), но и к местным властям, перераспределявшим потоки эвакуированных по своему разумению, – еще одно свидетельство несогласованных действий разных уровней системы управления.

Сигельбаум и Мох справедливо задаются вопросом, в какой степени можно считать самовольными мигрантами «шабашников», но не дают на него однозначного ответа. Они обращают внимание на то, что понятие самовольности у «шабашников» в брежневские годы трансформируется в стремление заниматься более интенсивным трудом – с большей ответственностью и за гораздо большие деньги, чем в сфере государственного найма. То есть, если прежние «самовольные мигранты» пытались избежать опеки чрезмерно заботливого государства, то с вырождением патернализма в урбанизированном обществе 1970-х гг. «шабашники» противостояли не очередному режиму миграции, в то время уже довольно либеральному, а своду мертвых бюрократических правил, мешавших деловой активности. В этом смысле их можно называть *escapees*, но больше в фигуральном смысле – беглецами от советской действительности. Свобода передвижения «шабашников» никем не ограничивалась. Сигельбаум и Мох предлагают очень выразительный образ – после героического летнего труда в сельской местности, часто вдали от цивилизации, «шабашники» возвращались в город к привычным занятиям, смешиваясь с толпой, подобно супермену, совершившему очередной подвиг.

Итак, «шабашники» не были «самовольными мигрантами» по причине размывания смысла этого понятия в позднесоветские годы. После распада СССР в результате политической и экономической либерализации термин «самовольность» окончательно исчезает, а внимание государства переключается с внутренних нарушителей миграционного режима на нелегальную внешнюю миграцию.

Интерес Сигельбаума и Мох не в том, чтобы противопоставить «самовольных мигрантов» государству, которое не могло или не хотело видеть этих людей. Авторам важнее было показать само наличие частной жизни, независимой от государства. Эту задачу они выполнили сполна. В силу разных причин, которые упоминаются в статье, пространство частной жизни в условиях СССР даже в самые суровые периоды его существования было много шире, чем принято считать. Подход американских историков, заинтересованный и сочувственный по отношению к героям повествования, позволяет увидеть реальные человеческие судьбы за пределами миграционной статистики, а также в многочисленных ситуациях, когда этой статистики не было вовсе. И нельзя не видеть, что большинство представленных авторами видов «самовольных» миграций были всего лишь выражением естественного права человека самому определять свою судьбу.

Список литературы

- Бердинских В. Спецпоселенцы : Политическая ссылка народов Советской России. М. : Новое лит. обозрение, 2005. 768 с.
- Бородин Л. И., Максимов С. В. Крестьянские миграции в России. СССР в первой четверти XX века : (Макроанализ структуры миграционных потоков) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 124–143.
- Горбачев О. «Широка страна моя родная»: измерения российской миграции // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 3. С. 268–281. DOI 10.15826/qr.2016.3.187.
- Горбачев О. В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х – 1960-е гг. // *Вопр. истории*. 2003. № 2. С. 138–149.
- Занданова Л. В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х – середина 60-х гг. XX в.). Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1997. 157 с.
- Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // *Социол. исслед.* 1990. № 11. С. 3–17.
- Кауфман А. А. Община. Переселение. Статистика : сб. ст. М. : Изд. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1915. 511 с.
- Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX – середина XX в.) / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2010. 206 с.
- Об учреждении Всесоюзного переселенческого комитета при ЦИК Союза ССР // *Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР*. Отд. 1. 1925. № 30.
- Переведенцев В. И. Зацепиться за Москву // *Демоскоп Weekly*. 2003. № 133–134. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0133/gazeta03.php> (дата обращения: 21.10.2017).
- Пискунов С. А. Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР: опыт второй половины 1940–1980-х гг. Благовещенск : БГПУ, 2016. 340 с.
- Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июль 1941 г.). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1976. 383 с.
- Полян П. М. Не по своей воле... : История и география принудительных миграций в СССР. М. : ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.
- Твардовский А. Т. Страна Муравия // Твардовский А. Т. Стихотворения и поэмы. М. : Худож. лит., 1971. С. 233–308.
- Чернышева Н. В., Бровцин А. В. Трудовые миграции населения Кировской области в 1945–1967 гг. Киров : Радуга-Пресс, 2015. 226 с.
- Siegelbaum L. H., Moch L. P. Broad is my Native Land : Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2014. 421 p.

References

- Berdinskikh, V. (2005). *Spetsposelentsy: Politicheskaya ssylka narodov Sovetskoi Rossii*. [Special Settlers. Political Deportation of the Peoples of Soviet Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 768 p.
- Borodkin, L. I., Maksimov, S. V. (1993). Krest'yanskii migratsii v Rossii/SSSR v pervoi chetverti XX veka (Makroanaliz struktury migratsionnykh potokov) [Peasant Migrations in Russia / the USSR in the First Quarter of the 20th Century (Macroanalysis of the Structure of Migration Flows)]. *Otechestvennaya istoriya*. No. 5, pp. 124–143.
- Chernysheva, N. V., Brovtzin, A. V. (2015). *Trudovye migratsii naseleniya Kirovskoi oblasti v 1945–1967 gg.* [Labour Migration of the Population of Kirov Region between 1945 and 1967]. Kirov, Raduga-Press. 226 p.
- Gorbachev, O. (2016). "Shiroka strana moya rodnaya": izmereniya rossiiskoi migratsii ["Broad is My Native Land": The Dimensions of Russian Migration]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 3, pp. 268–281. DOI 10.15826/qr.2016.3.187.
- Gorbachev, O. V. (2003). Organizovannaya migratsiya iz sela Tsentral'nogo Nечернозем'ya vo vtoroi polovine 1940-kh – 1960-e gg. [Organised Migration from the

Countryside of the Russian Central Non-Black Soil Region, Second Half of the 1940s–1960s]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 138–149.

Kaufman, A. A. (1915). *Obshchina. Pereselenie. Statistika: sbornik statei* [Community. Resettlement. Statistics: An Anthology of Articles]. Moscow, Izdatel'stvo G. A. Lemana i B. D. Pletneva. 511 p.

Krasil'nikov, S. A. (Ed.). (2010). *Massovye agrarnye pereseleniya na vostok Rossii (konets XIX – seredina XX v.)* [Mass Agrarian Resettlements to the East of Russia (Late 19th – Mid-20th Centuries)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. 206 p.

Ob uchrezhdenii Vsesoyuznogo Pereselencheskogo Komiteta pri TsIK Soyuzu SSR [On the Establishment of the All-Union Resettlement Committee under the Central Executive Committee of the USSR]. (1925). In *Sobranie zakonov i rasporyazhenii raboche-krest'yanskogo pravitel'stva SSSR. Otd 1*. No. 30.

Perevedentsev, V. I. (2003). Zatselit'sya za Moskvu [Clinging to Moscow]. In *Demoskop Weekly*. No. 133–134. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0133/gazeta03.php> (mode of access: 21.10. 2017).

Piskunov, S. A. (2016). *Planovoe sel'skokhozyaistvennoe pereselenie v RSFSR: opyt vtoroi poloviny 1940–1980-kh gg.* [Planned Agricultural Resettlement in the RSFSR: The Experience of the Second Half of the 1940s–1980s]. Blagoveshchensk, Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 340 p.

Platunov, N. I. (1976). *Pereselencheskaya politika sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iyul' 1941 g.)* [Resettlement Policy of the Soviet State and Its Implementation in the USSR (1917 – July 1941)]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 383 p.

Polyan, P. M. (2001). *Ne po svoei vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsii v SSSR* [Not Willingly... The History and Geography of Forced Migrations in the USSR]. Moscow, OGI–Memorial. 328 p.

Siegelbaum, L. H., Moch, L. P. (2014). *Broad is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 421 p.

Tvardovsky, A. T. (1971). Strana Muraviya [The Country of Muravia]. In Tvardovsky, A. T. *Stikhotvoreniya i poemy*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 233–308.

Zandanova, L. V. (1997). *Pereselenie krest'yanstva v Aziatskuyu Rossiyu (konets 40-kh – seredina 60-kh gg. XX v.)* [The Resettlement of the Peasantry to Asian Russia (Late 1940s – Mid-1960s)]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 157 p.

Zemskov, V. N. (1990). Spetsposelentsy (po dokumentam NKVD-MVD SSSR) [Special Settlers (According to the Documents of the NKVD-MVD USSR)]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 11, pp. 3–17.

The article was submitted on 22.07.2017